

**«НЕСБЫВШЕЕСЯ» А. БЛОКА И А. ГРИНА: НЕЗНАКОМКА И
НЕИЗВЕСТНАЯ Федюкина А.Е.**

литература 11 класс, КГБОУ «АКПЛ» г. Барнаул Алтайского края

*Научный руководитель: Дубровская Виктория Васильевна, учитель
литературы в КГБОУ «АКПЛ», руководитель: Островских И.Н., к. филол. н.,
доцент кафедры литературы АлтГПУ г. Барнаул Алтайского края*

С самых первых критических работ, появившихся в 1910-х годах, закрепилось мнение о Грине как о «мастере сюжета, стилизаторе и романтике»[5, с. 15]. **Актуальность** работы заключается в введении творчества А. Грина в контекст символистской традиции: такой подход, несомненно, отличается исследовательской **новизной**.

Сближение Грина с Блоком началось с рассмотрения творчества А. Грина как близкого символизму. Связь писателя с символистами одной из первых открыла Е. А. Козлова [5, с. 1].

Л.Н. Белогорская утверждает вслед за Козловой: «Творчество Грина подверглось влиянию символизма, формировалось в одном тигле с русской (советской) прозой 1920-х г. г. (А. Белый, И. Эренбург, "Серрапионовы братья")» [1: 308]. Символистские корни творчества писателя упоминала в своей статье и Н. Г. Медведева [7, с. 1].

Среди символистов, оказавших влияние на Грина, упоминается имя А. Блока. Так, Ковский говорил, что символизм Грина, как и блоковский, вырастает из «стремления к емкости и многозначности поэтического образа», «синкретизма восприятия», попытки «единым взглядом и дыханием охватить весь мир... запечатлеть взаимосвязь всех вещей и явлений действительности, уловить их единый музыкальный смысл» [6, с. 189].

Исследователи указывают на особую роль символа в творчестве А. Грина: «Он становится для писателя не только высшей точкой художественного обобщения, но зачастую и исходным творческим толчком, а также конечным

смыслом, определяющим содержательную уделено в творчестве глубину его произведений» [5; 6]. Особое внимание в творчестве А.Грина и А.Блока уделено символическим образам, поэтому они и становятся объектом интерпретации в нашей работе.

В качестве **гипотезы** мы предлагаем установление нового (гриновского) художественного воплощения Вечной Женственности с акцентом на сокращение разрыва между «хочу» (Блок) и «делать» (Грин).

В работе использованы следующие методы: типологический, структурно-семиотический, биографический.

Объектом исследования выступают роман А. Грина «Бегущая по волнам» и стихотворение «Незнакомка» А. Блока.

Предмет: Образы *Незнакомки* А. Блока и *Неизвестной* А. Грина как воплощения Вечной Женственности.

Цель: Выявить специфику воплощений «Несбывшегося» в романе А. Грина «Бегущая по волнам» и стихотворении «Незнакомка» А. Блока посредством сравнительного анализа: гриновской *Неизвестной* и блоковской *Незнакомки*.

Задачи:

1. Охарактеризовать значение категории «Несбывшееся» в тексте романа А. Грина «Бегущая по волнам».
2. Сопоставить образы *Неизвестной* А. Грина и *Незнакомки* А. Блока на различных уровнях текста.
3. Выявить отношение А. Грина и А. Блока к мифологеме Вечной Женственности.

«Несбывшееся» А. Блока и А. Грина: *Незнакомка* и *Неизвестная*

Героя Грина волновало «Несбывшееся» – скрытая частная возможность, «таинственный и чудный олень вечной охоты». А Нина Николаевна Грин назвала «Несбывшееся» «аттической солью его творчества» [2, с. 102]. Вот как говорит Грин о «Несбывшемся» в романе «Бегущая по волнам»: «Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас ...

всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся?» .

Здесь очевидна отсылка к блоковскому стихотворению «О, я хочу безумно жить...»:

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее - увековечить,
Безличное - вочеловечить,
Несбывшееся - воплотить!

Поэт считал необходимым «вочеловечить» и «воплотить» абстрактную идею. У него это, прежде всего, Прекрасная Дама, которая может иметь различные обличья. Среди воплощений Прекрасной Дамы в его стихах особое место занимает *Незнакомка* (стихотворение и драма с таким же названием).

Сходство *Незнакомки* с *Неизвестной* Грина позволяет говорить о гриновской «неизвестной девушке», как воплощении Вечной Женственности. Текст Грина перекликается с текстом Блока, и эта перекличка реализуется на разных уровнях текста. Мы рассмотрим следующие: имя, внешность, поведение.

Имя

Определение имени дает Павел Флоренский: «Имя — лицо, личность, а то и другое имя — личность того или другого типического склада ... человеку его имя не то предвещает, не то приносит его характер, его душевные и телесные черты и его судьбу» [10, с. 50]. Слова *Неизвестная* и *Незнакомка* могут быть названы именами, как так выступают в функции имени. «Неизвестная молодая девушка» - так называет Грин свою героиню. *Неизвестная* нами используется как имя, так как за ним скрывается личность. Упомянутое единожды, оно, тем не менее, закрепляется за персонажем, например, при анализе стихотворения.

Имя *Неизвестная* предполагает возможность ее узнать, разгадать, сделать «известной». Гарвей при встрече как будто уже знает ее, называя придуманным им самим именем: Анна Макферсон. Анна переводится как «благодать»: «В Анне главное – это ее подсознательная почва, лежащая чаще всего не на скале,

а на таких подпочвенных слоях, которыми носительница этого имени уходит в недра бытия. И недра эти, по высшему заданию имени, суть недра благодати, как гласит и этимологическое значение имени» [10, с. 156]. Не только «Несбывшееся», но и Вечная Женственность – это «благодать», так, по крайней мере, хотелось бы верить Гарвею. Затем он узнает, наконец, что *Неизвестную* зовут Биче Сениэль.

Имя Биче итальянское - это краткая форма имени Биатриче, что происходит от римского *Viatrix* - "путница, путешественница". Позднейшее *Beatrix* возникло под влиянием лат. *beata* - "блаженная, благословенная". В этом имени видится отсылка к дантовской героине «Божественной комедии» Биатриче: она провожает героя в рай, символизируя божественное начало, воплощая Вечную Женственность.

Это подтверждает В. В. Иванов в статье «Звездная вспышка (Поэтический мир Гумилева)» [4, с. 20]: «Гумилев ближе всего к традиции Блока; он, по сути, приближается к воспеванию не просто женщины, а дантовской Биатриче или Вечной Женственности». Это не только подтверждает связь имени Биатриче с мифологемой Вечной Женственности, но вновь указывает на связь имен *Неизвестная* и *Незнакомка*. Так приближение к Вечной Женственности, ее познание становятся возможным у Грина.

Внешность

Среди всех элементов внешности [3, с. 30] здесь, на наш взгляд, наиболее значима одежда.

Вечная Женственность распознается в стихотворении Блока в том числе и по внешности. Лирический герой фиксирует шляпу с траурными перьями, упругие шелка, кольца, темную вуаль:

И веют древними поверьями

Ее упругие шелка,

И шляпа с траурными перьями,

И в кольцах узкая рука.

Не будь «упругих шелков», *Незнакомка* не смогла бы иметь даже очертаний. Её «стан, шелками схваченный» так сказать оформлен благодаря шелкам. «И в кольцах узкая рука» как бы в оболочке, не позволяющей эфемерной субстанции расточиться. Еще очевиднее эта функция колец в стихотворении «Седое утро»:

Прощай, возьми еще колечко.

Оденешь рученьку свою

И смуглое свое сердечко

В серебряную чешую...

Шляпа *Незнакомки* тоже своего рода ограничитель, она не дает «звезде» воспарить туда, откуда она «упала». Одновременно с этим она скрывает *Незнакомку* от земного мира, как и вуаль: «смотрю за темную вуаль», а не на лицо.

Вуаль и шляпа с траурными перьями – темные. Читателю они видятся даже черными. Черное одеяние упомянуто и в эпиграфе к драме «Незнакомка», взятом из романа «Идиот» Ф. М. Достоевского: «Она была сфотографирована в черном шелковом платье». Черный – цвет отсутствия, он указывает на принадлежность *Незнакомки* к «неземному», мистическому.

Вуаль может трактоваться как маска, скрывающая неземную сущность *Незнакомки*. Это может быть и персонаж другого стихотворения:

«А под маской было звездно».

Еще один атрибут *Незнакомки* – её «шелестящее платье» в драме «Незнакомка». Это как бы шелест «неземного».

Шелест шелков - атрибут *Незнакомки*, который, проходя сквозным мотивом через творчество Блока, «шелестит» еще и фонетически: «И вздохнули духи, задремали ресницы, // Зашептались тревожно шелка» («В ресторане», 1910).

Шелест шелков не упоминается, но может предполагаться и среди «Несбывшегося» Грина: «на ней была шелковая синяя юбка». Юбка уже не черная, как одежда блоковской *Незнакомки*, а синяя. Синий цвет – небесный,

он указывает на ее божественное происхождение. В тоже время синий – цвет моря, с которого прибывает *Неизвестная*.

На *Неизвестной* тоже надета шляпа, но это «простая батистовая шляпа», более обыденная, земная. Блуза же ее была «с матросским воротником» и это окончательно идентифицирует ее в этом мире как имеющую отношение к морю, водной стихии. У Блока же в «Незнакомке» за темной вуалью открывается «берег очарованный и очарованная даль» – море как неузнанный путь к обетованному берегу.

Итак, в синей шелковой юбке, в батистовой шляпе и блузе с матросским воротником она сходит с корабля. Поведение – еще одна точка сравнения *Неизвестной* с *Незнакомкой*.

Поведение

Гарвей замечает лицо *Неизвестной*, «когда оно появилось над бортом». Борт – это граница. *Неизвестная* торжественно выходит из своего пространства-дома в хаос обыденности «среди саквояжей и сбитых на сторону шляп», где ее узнает рассказчик: «Так спускаются по лестнице роскошного дома к почтительно распахнутой двери». У Грина упоминается дверь, у Блока – окно. Дверь и окно – граница между мирами. И если дверь – это легитимный вход/выход, через который проходит *Неизвестная* А. Грина, то у Блока – окно. Окно – это маргинальное пространство, где *Незнакомка* пребывает: она «В туманном движется окне»; «Она садится у окна», держась поближе к своему пространству – границе, заполненной туманом.

Гриновская «неизвестная молодая девушка» наделена царственностью и силой повелевать вещами: «казалось, одаренной тайнами подчинять себе место, людей и вещи». Все окружение – «ее свита с возгласами и чемоданами». Повелевая, она как бы касается этого мира, становясь его частью. Ее божественная царственность заставляет Гарвея внимательно смотреть и взывать к «Несбывшемуся»: «Я чувствовал, что мой интерес к Биче Сениэль еще слишком живо всколыхнут...»; «Я наблюдал эту сцену не отрываясь». У Блока же мотив царственности остается в цикле стихов о Прекрасной Даме:

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.
(«Тебя скрывали туманы», 1902 г.)

Незнакомка настолько «иномирна», если так можно выразиться, что может трактоваться как иная планета со своей атмосферой («дыша духами и туманами»): земная оболочка удерживает и скрывает инопланетную сущность, но если заглянуть за вуаль: там «берег очарованный и очарованная даль» – ландшафт другого мира.

Незнакомка появляется на грани яви и сна, пошлой обыденности и вечности, этого мира и того:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

Переход в этот мир она осуществляет через окно («Особая разновидность границы — окно. Это преграда, которая присутствует и в то же время отсутствует, поэтому подобна магическому кругу» [3, с. 93]) - пограничное пространство. В драме «Незнакомка» на стенах уличного кабака висят обои с огромными кораблями: «На обоях изображены совершенно одинаковые корабли с огромными флагами». Кажется, что *Незнакомка* может, как *Неизвестная*, пуститься в плаванье, стать частью земного мира, но корабли на стенах нарисованы, т.е. принадлежат иному без возможности преодолеть границу между «здесь» и «там».

Корабль доставляет гриновскую героиню словно с другой планеты: как будто на берег «сошла дочь некоего фантастического начальника всех гаваней мира». Она как бы ищет в чужом ей мире дом, присматривается ко всему: «Казалось, её занимает решительно всё, что происходит». Она делает все медленно, как бы привыкая к здешним порядкам. Сначала она «медленно взяла

карточку», а потом так же «подумав, взяла стакан». *Неизвестная* появляется с чемоданами - частью материального мира, которая, впрочем, играет роль только декорации (Декорация позволяет связывать гриновское пространство с пространством Блока. Так как драма «Незнакомка» по определению жанра предназначалась для постановки на сцене. Чемоданы оказываются еще одной точкой соприкосновения двух текстов, они быстро отделяются от нее из-за того, что она «инопланетянка»). *Неизвестная*, попадая на чуждое ей место, приспособляется к здешним условиям, в отличие от *Незнакомки*, которая «каждый вечер, в час назначенный» является на грани яви и сна.

Так, символизируя Вечную Женственность, *Неизвестная* и *Незнакомка* несут с собой тайну, загадку. У Блока эти тайны имеют место, и, в отличие от Грина, не имеют расшифровки: «В моей душе лежит сокровище, // И ключ поручен только мне!». У Грина же «расшифровать» тайны, найти к ним «ключ» - возможно: «мелькнул конец нити, ведущий к клубку». Этот «клубок» (тайна происхождения Бичи, тайна «Несбывшегося») постепенно разматывается. Сначала герой узнает имя *Неизвестной*, затем видит вещий сон, попадет на корабль с названием «Бегущая по волнам», видит Портрет *Неизвестной* на корабле и, наконец, знакомится с ней - она рассказывает ему свою историю и даже позволяет себе помочь.

Таким образом, мифологема Вечной Женственности спускается до земного, позволяет познать себя, коснуться. Завеса тайны открывается герою Грина. В творчестве писателя работает формула «чудеса своими руками» («Алый Паруса» А. Грин), в художественном мире А. Грина человек может осознать и сделать все сам. У Блока же дверь остается закрытой – ключ к ней есть, но остается сокрытым.

Как *Неизвестная* становится *Незнакомкой*

Между именами *Неизвестная* и *Незнакомка* при очевидном родстве есть различие. Очевидным оно стало в народном «переназывании» известного полотна И. Крамского «Портрета *Неизвестной*» (1883). За этим портретом закрепилось название «Незнакомка».

Более того, у сборника стихотворений А. Блока «Незнакомка» на обложку помещен « Портрет Неизвестной» И. Крамского.

Действительно, женщина с полотна напоминает «Незнакомку» А. Блока: темные глаза, перо на шляпе, темное, черное одеяние («она была сфотографирована в черном шелковом платье» - эпитафия к драме «Незнакомка»). Однако в женском образе с полотна Крамского есть царственность (во взгляде и позе), в то время как «Незнакомка» - дух. Само существование лица взято под сомнение: «гляжу за темную вуаль».

У Крамского лицо девушки открыто – она гордо смотрит на зрителя и своей царственностью напоминает «Неизвестную» А. Грина: «вокруг девушки стало так почтительно и прилично, как будто на берег сошла дочь некоего фантастического начальника всех гаваней мира». На «Неизвестной» Грина также есть шляпа, но это «простая батистовая шляпа». Именно «простота» делает границу между Крамским и Грином совершенно отчетливой: неизвестная с портрета Крамского одета подчеркнуто модно. Дерзость «Неизвестной» Крамского позволила многим искусствоведам увидеть в девушке «кокетку в коляске», как сказал критик Стасов о картине. Так, «Неизвестная» Крамского сближается с «Незнакомкой» Блока: в драме «Незнакомка» звезду, сошедшую с неба принимают за проститутку: ее «уводит ... под руку» Господин в котелке.

Заключение

Категория «Несбывшееся» оказывается общей для Грина и Блока. Она связана с символистской мифологемой Вечной Женственности. *Неизвестная* А. Грина и *Незнакомка* А. Блока являются воплощениями этой мифологемы. И *Неизвестная* Грина, и *Незнакомка* Блока несут в себе признаки божественного. При этом *Неизвестная* Грина становится земной, принимает условия этого мира. *Незнакомка* же так и остается неузнанной. Таким образом, обретение Прекрасной Дамы возможно в художественном мире Грина, но невозможно в мире Блока.

Список использованной литературы

- 1.Белогорская Л. В. Модель мира в романах Александра Грина / Л. В. Белогорская // Филологические науки / Полтав. нац. педагогический ун-т имени В. Г. Короленка. – Полтава, 2014. – Вып. 18. С. 76-82.
- 2.Грин Н. Н. Воспоминания об Александре Грине. Мемуарные очерки. Дневниковые записи. Письма. - Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель – С.400.
- 3.Дубровская В. В. Литературоведение: поэтический мир : учебное пособие / В. В. Дубровская ; [примеч. и библиогр. Т. А. Богумил]. - Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – С.120.
- 4.Иванов В.В. Звездная вспышка (Поэтический мир Н. С. Гумилева)//Иванов В.В. избранный труды по семиотике и истории культуры. 2.Т. М., 2002. С. 245.
- 5.Козлова Е.А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности . Дис. на соиск. степ. канд. филол. наук. - Псков, 2004. – С.188
- 6.Ковский В.Е. «Настоящая внутренняя жизнь»: (Психологический романтизм Александра Грина) // Ковский В. Е. Реалисты и романтики: Из творческого опыта русской советской классики. М., 1990. – С.216
- 7.Медведева Н.Г. Мифологический неоромантизм А. Грина// Вымысел vs мимесис: Очерки русской литературы XX-XXI вв. : А.С. Грин, И.А. Бродский, Л.В. Лосев, С.В. Кекова. Ижевск, 2014. – С.128
- 8.Романенко В.А. Лингвопоэтическая система сквозных символов в творчестве А.С. Грина: автореф. дис. .... канд. филол. наук. 2001 – 20 с.
9. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. Перевод с немецкого О. Н. Трубачева, с дополнениями. Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Первое русскоязычное издание - М., 1964–1973; второе – 1986–1987. — С.576.
- 10.Флоренский П.А. Имена // Опыты. Литературно-философский сборник.- М.,1990. –С.367.